

7.37
1/2

„НОВГОРОДКИ.“

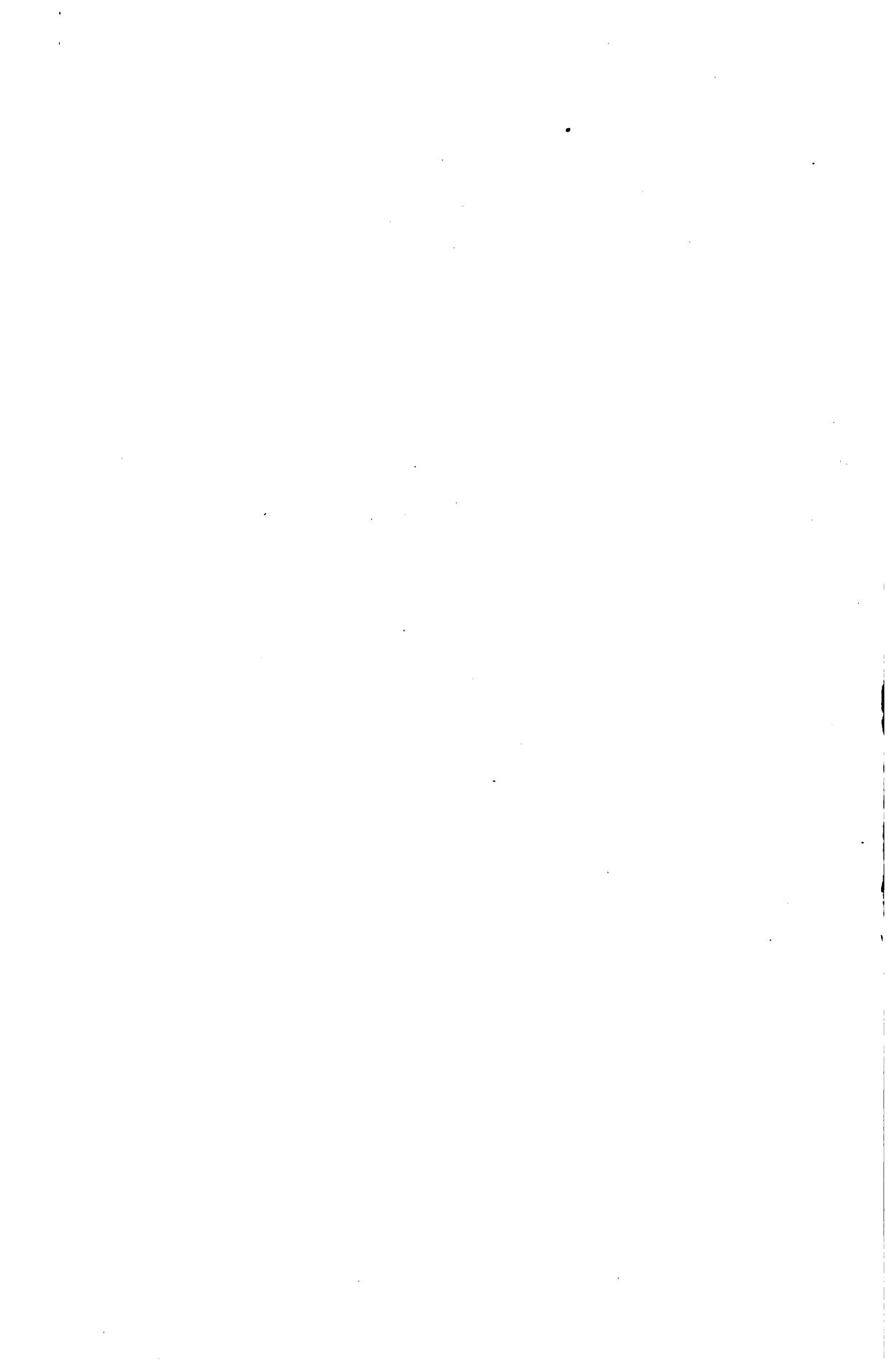
Критический разборъ первыхъ двухъ выпусковъ Русской допетровской
нумизматики Гр. Ив. Ив. Толстаго.

Д. Н. Чудовскій.

ХЕРСОН

КІЕВЪ.

Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и Ко, Елизаветинская ул., д. Михельсона.
1887.

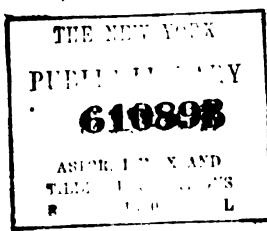
„НОВГОРОДКИ“.

Критический разборъ первыхъ двухъ выпусковъ Русской допетровской нумизматики Гр. Ив. Ив. Толстаго.

Д. Н. Чудовскій.

БІЕВЪ.

Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°, Елісаветинская ул., д. Михельсона.
1887.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 августа 1887 года.

„НОВГОРОДКИ“.

Графъ Иванъ Ивановичъ Толстой сдержанѣе обѣщаніе данное имъ въ 1882 году, при изданіи трудовъ о монетахъ Великаго Княжества Кіевскаго. Передъ нами новый трудъ его: „Русская допетровская нумизматика.—Выпускъ первый. Монеты Великаго Новгорода“.

Если нась удивляли добросовѣтность труда и изъящность при изданіи Кіевскихъ монетъ, то мы должны быть поражены трудами и терпѣніемъ съ появленіемъ первого выпуска „Русской допетровской нумизматики“.

Каждому любителю русской старины, нумизматъ-ли онъ, или просто собиратель русскихъ денегъ, должно быть известно, какъ относились наши отцы науки къ Новгородскимъ монетамъ. Они почти вовсе ими не интересовались; скажемъ больше: они игнорировали ихъ. Начиная съ Черткова и оканчивая граffомъ Чапскимъ, мы находимъ въ ихъ каталогахъ самое поверхностное описание Новгородокъ. На одной сторонѣ: сидящій князь съ мечемъ въ правой рукѣ и передъ нимъ голая человѣческая фигура, съ разными буквами въ полѣ; на другой—надпись Великаго Новгорода; вотъ и все поясненіе нашихъ учителей.—Лично я даже того убѣжденія,

что Чертковъ, Шадуаръ, Шубертъ, Рейхель и прочіе нумизматы такъ плохо описали Новгородки, не потому только, что монеты эти ихъ мало интересовали, а потому, что собранія ихъ были слишкомъ блѣдны Новгородками; у нихъ небыло материала для описанія и изученія этихъ монетъ. Всякое другое мнѣніе мнѣ кажется даже не возможнымъ. Интересовали же ихъ самые пустые варіанты денегъ другихъ княженій, только къ безконечнымъ, иногда весьма осиязательнымъ разновидностямъ Новгородокъ, они отнеслись будто равнодушно.

Первая попытка къ болѣе подробному и удобо-понятному описанію Новгородокъ была сдѣлана П. С. Савельевымъ, въ запискахъ Археологического Общества т. IX, стр. 188—218; но и этотъ трудъ, впрочемъ мало распространенный, блѣднѣеть передъ предлежащимъ трудомъ графа Толстого; хотя послѣдній несомненно и воспользовался основною мыслью Савельева, при передачѣ намъ графическимъ способомъ надписей на Новгородкахъ.

Полагаю, что каждый нумизматъ, среди монетъ своей коллекціи, имѣть и своихъ избранниковъ. По крайней мѣрѣ со мной это было всегда такъ: пріобрѣтеніе всякой новой монеты въ коллекцію было пріятно, но пріобрѣтеніе нового варіанта Новгородки было для меня праздникомъ. Происходило это вѣроятно отъ того, что проживая довольно долго, въ шестидесятыхъ годахъ, въ Новгородѣ и имѣя уже до 30 разновидностей монетъ Василія Темнаго, я не имѣль еще ни одной порядочной Новгородки; обладая потомъ уже 80 экземплярами Новгородскихъ монетъ, я тѣмъ не менѣе былъ на верху счастья

пріобрѣвъ въ 1878 году около 600 Новгородокъ. Въ то время я быль увѣренъ, что въ мои руки попалъ не тронутый и не расхищенный кладъ; теперь я убѣдился, что это была только третья часть нѣчто цѣлаго, изъ коего около одной трети пошло въ Археологическую Коммиссію, а остальное къ другому любителю русской старины.

Какъ бы то нибыло, но кладъ 1878 года быль причиною, что я особенно занялся Новгородками; я выдѣлилъ ихъ изъ своего общаго каталога монетъ и составилъ имъ самостоятельное описаніе; у меня явилась тогда мысль издать описаніе Новгородскихъ монетъ; я составилъ свою классификацію и началъ собирать историческій матеріалъ для изданія; но въ это время появился трудъ графа Ивана Ивановича Толстаго о монетахъ Великаго Княжества Киевскаго и я пришелъ къ заключенію, что ничего подобнаго издать не въ состояніи. У меня не было ни денежныхъ средствъ, ни того свободного времени, которыми необходимо было пожертвовать для изданія, хоть маломальски подходившаго къ изданію графа Толстого.

Въ то время коллекція графовъ Толстыхъ была относительно довольно бѣдна Новгородками, и они занимали въ ней чуть-ли не то-же самое мѣсто какое Новгородки занимали въ каталогахъ Черткова, Шуберта и проч., т. е. графовъ Толстыхъ мало интересовали эти монеты. Дублетты изъ моей коллекціи Новгородокъ были предоставлены въ распоряженіе графовъ Толстыхъ. Выбиралъ для нихъ многуважаемый Христіанъ Христіановичъ Гиль, который въ то время еще не обращалъ особенного вни-

манія на короны, носы и число складокъ одежды князя.— Когда вопросъ былъ рѣшенъ, что графъ Толстой начнетъ свои выпуски русской допетровской нумизматики съ монетъ Великаго Новгорода, я далъ себѣ слово всѣми зависящими отъ меня средствами способствовать этому изданію, до такой степени обрадовала меня вѣсть, что завѣтная моя мечта, изданіе Новгородскихъ монетъ, наконецъ осуществится.— Коллекція моя гостила у графа Толстого болѣе года, мало того, они пожелали пріобрѣсть у меня нѣкоторая разновидности; я уступилъ имъ до ста штукъ. Я познакомилъ Хр. Хр. Гиля съ господами Андогскимъ и Передольскимъ; отъ первого онъ пріобрѣлъ до 50-ти штукъ превосходныхъ Новгородокъ; коллекція втораго была въ полномъ распоряженіи графа Толстого; я содѣйствовалъ имъ къ пріобрѣтенію изъ коллекціи г. Стромилова до 25 штукъ Новгородокъ; однимъ словомъ я сдѣлалъ все отъ меня зависящее, лишь-бы изданіе о Новгородкахъ узрѣло свѣтъ.

Обо всемъ этомъ я упоминаю здѣсь не для того, чтобы приписать себѣ хоть долю содѣйствія къ изданію, или участія въ этомъ превосходномъ трудѣ, но лишь для того, чтобы читатели, а также авторъ, поняли мои нижеслѣдующія строки.

На наружномъ видѣ книги нечего и останавливаться; даже лица которыхъ не интересуются нумизматикою восхищаются роскошью изданія; въ особенности всѣхъ удивляютъ рисунки лицевой стороны и воспроизведеніе надписей оборотной стороны. А если бы они знали о точности этихъ воспроизведеній, о томъ египетскомъ трудѣ, который понесъ

Хр. Хр. Гиль, при корректурѣ лучшаго въ Петербургѣ рѣзца на мѣди, г. Костелли, то и нашъ собратъ, капунъ нумизматъ, пришелъ бы въ изумленіе.

Приступая къ разбору содержимости труда, считаю нужнымъ оговориться: предметъ этотъ занималъ меня болѣе 30 лѣтъ, а потому, критикуя нѣкоторые выводы графа Ив. Ив. Толстого, я вмѣстѣ съ тѣмъ излагаю свои собственные, которые я напечаталъ бы и тогда, если трудъ графа Толстого вовсе не явился бы на свѣтъ. Выводы мои основаны не только на скучныхъ извѣстіяхъ Новгородскихъ лѣтописей, но и на всемъ историческомъ матеріалѣ, до сихъ поръ только извѣстномъ, относительно исторіи самобытности Новгорода. По этому, если мои строки, касаясь выводовъ автора и покажутся нѣкоторымъ рѣзкими, то предупреждаю, что они вовсе не направлены противу самолюбія молодого ученаго и не расчитаны на полемику съ его стороны, а ждутъ лишь слова отъ лицъ вполнѣ компетентныхъ въ русской исторіи вообще и въ исторіи Новгорода въ особенности.

При разборѣ труда графа Ивана Ивановича, мы будемъ строго придерживаться принятой имъ послѣдовательности, а потому и скажемъ нѣсколько словъ о порядкѣ номераціи описанныхъ монетъ.

Всѣхъ монетъ описано 1.123; изъ нихъ изображены по лицевой сторонѣ, на семи таблицахъ 413 монетъ; факсимиле надписей оборотной стороны всѣхъ описанныхъ (т. е. 1.123) монетъ находятся въ каталогѣ самого описанія, но сверхъ того составлены двѣ таблицы изъ разновидностей этихъ надписей,

при чемъ въ обѣ таблицы вошли 524 надписи; говоря проще, всѣхъ разновидностей по лицевой сторонѣ 413, а по обратной 524. Болѣе совершенного способа изображенія Новгородокъ придумать было нельзя; каждый нумизматъ можетъ найти свой экземпляръ, какъ по лицевой, такъ и по обратной сторонѣ, или въ состояніи опредѣлить, что находящійся у него экземпляръ не описанъ. Я намѣренно употребилъ здѣсь выраженіе нумизматъ, такъ какъ обыкновенные любители въ этомъ специальному труду окажутся какъ въ лабиринтѣ. Одно, что по нашему мнѣнію излишне: это текущая номерация всѣхъ описанныхъ экземпляровъ; номерация эта не принесла пользы собранію Графовъ Толстыхъ, такъ какъ въ ней послѣдовательно пронумерованы и экземпляры не находящіеся въ ихъ коллекціи, да не принесла никакой пользы и остальнымъ любителямъ, а напротивъ еще болѣе испестрило и безъ того пестрый текстъ каталога. Полагаю, что на практикѣ, каждый нумизматъ опредѣливъ свой экземпляръ по лицевой сторонѣ, означить варіантъ обратной стороны, не найденной въ каталогѣ гр. Толстого, послѣдующимъ номеромъ, т. е. опредѣливъ положимъ Л. 156, поставимъ О. 11, такъ какъ у гр. Толстого приведено только 10 обратныхъ чекановъ; поставка же номера 420 *a* или 425 *a*, для него будетъ совершенно излишне, такъ какъ можетъ случится, что штемпель обратной стороны не подойдетъ ни къ одному изъ описанныхъ варіантовъ надписей. Мы упомянули обѣ этомъ здѣсь лишь для того, чтобы воздержать графа Ивана Ивановича отъ подобной же номерации въ послѣдующихъ выпускахъ, т. к. оно облегчить трудъ и удешевить самыя изданія.

Другое неудобство мы находимъ и въ текущей номерациі рисунковъ лицевыхъ сторонъ на таблицахъ. Таблицы VI и VII составляютъ какъ бы прибавленіе къ первымъ пяти таблицамъ, между тѣмъ номерациі основныхъ таблицъ перепутана ради этихъ прибавленій. Въ виду сего автору слѣдовало-бы цитируя въ текстѣ номеръ лицевой стороны, каждый разъ приводить и номеръ таблицы, иначе изслѣдователю чрезвычайно трудно слѣдить за его рѣчью. Доказательствомъ упоминаемаго неудобства служить то, что и самъ авторъ сталъ пугаться въ своихъ ссылкахъ на номера экземпляровъ и таблицъ, какъ напримѣръ на 23 страницѣ 15 строка сверху, гдѣ ссылка на таблицы не вѣрна.

Мы кажется не ошибаемся въ предположеніи, что авторъ болѣе всего интересовался вопросомъ объ опредѣлениі времени начала чеканки описанныхъ имъ монетъ. По нашему мнѣнію это вопросъ первой важности, такъ какъ предположенія и выводы составляютъ всю суть нумизматики, а въ особенности въ нашей отечественной, покрытою пока кромѣшною тьмою. Всѣ нумизматы и до графа Толстого были того мнѣнія, что Новгородъ началъ чеканить, пока известную намъ, монету въ 1420 году. Нашелся одинъ раскольникъ: это графъ Чапскій; но и тотъ въ своемъ каталогѣ раздѣлилъ лишь Новгородки на чеканенные во „время самобытія до 1478 года“ и на монеты чеканенные послѣ покоренія Новгорода, съ 1478 по 1505 годъ, безъ объясненіи своихъ предположеній. На чемъ же основано это мнѣніе, даже убѣжденіе? На изрѣченіи лѣтописца, который подъ 1410 годомъ записалъ:

„начаша торговати, промежи себе лобцы и гропи литовскими и артуги нѣмеckими, а куны отложиша“ и подъ 1420 годомъ: „начаша Новгородцы торговати деньги серебрянными, а артуги попродаша нѣмцамъ; а торговали ими 9 лѣть“.

Воть и вся письменная историческая опора, на которой сооружили свое мнѣніе о времени начала чеканки Новгородцами серебрянныхъ монетъ, сперва иностранецъ Шадуаръ, потомъ Чертковъ и наконецъ графъ Толстой. Но послѣдній пошелъ дальше, онъ желаетъ насъ убѣдить въ этомъ и другими историческими соображеніями, а именно:

1. Рядомъ другихъ выписокъ изъ лѣтописей и актовъ, начиная съ 1122 года по 1471 годъ.

2. Изслѣдованіями Прозоровскаго.

3. Спискомъ кладовъ съ Новгородками.

Изъ приведенныхъ авторомъ выписокъ изъ лѣтописей и актовъ мы усматриваемъ, что до 1420 года Новгородцы употребляли при денежныхъ счетахъ слѣдующія наименованія: гривна старая, гривна старыхъ кунъ, гривна серебра, гривна, сребро или серебро, полугривна, рубль, ногата, рѣзань, вѣкша, долгъя, бѣль или бѣлка, бѣлка коженная, куница шерстью и просто куна; послѣднее наименованіе, куна, было самое употребительное. Подъ 1410 годомъ прямо сказано: *куны отложиша*.

Въ 1420 году Новгородцы начали торговать серебрянными деньгами, а артуги продали нѣмцамъ. Затѣмъ послѣ 1420 года до 1470 года лѣтописецъ опять ведетъ счетъ на гривны, рубли, куны, мордки, вѣкши и бѣльцы и лишь подъ 1470 годомъ, въ первый разъ, встрѣчается счетъ на деньги, употребляя

это слово какъ монетную единицу, но при томъ рядомъ со счетомъ на гривны, рубли, полурубли, куны и бѣли. Въ 1471 году вмѣстѣ со счетомъ на деньги, также упоминаются куны, вѣкши и бѣли.

Изъ приведенной граffомъ Толстымъ сравнительной таблицы г. Прозоровскаго, о Новгородскихъ монетныхъ единицахъ XV столѣтія видно, что куна равнялась будто двумъ деньгамъ; что Новгородка вѣсила 4 почки или 18 долей и что по этому куна должна была вѣсить 8 почекъ или 36 долей и т. д. и наконецъ что вѣсь рубля или гривны серебра у него опредѣленъ въ 40 золотниковъ 48 долей.

Изъ списка кладовъ съ Новгородками, находка которыхъ удостовѣрена свѣдѣніями изъ дѣлъ Археологической Комиссіи, усматривается, что такихъ находокъ извѣстно всего девять; изъ нихъ четыре находки состояли исключительно изъ Новгородокъ и псковскихъ монетъ и пять съ примѣсью монетъ московскихъ, московскихъ удѣловъ, тверскихъ и рязанскихъ. Въ двухъ случаяхъ въ находкахъ оказались Новгородскія монеты, какъ времени самобытія, такъ и времени присоединенія Новгорода къ Москвѣ.

На основаніи приведенныхъ данныхъ граffъ Ив. Ив. Толстой приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ *):

1. Приведенные имъ цитаты изъ лѣтописи достаточны чтобы видѣть, что до 1420 года название „деньга“ *единственно приложимое* къ описаннымъ

*) Не повторяемъ здѣсь, для краткости изложенія, подробнѣ всѣ выводы автора, а постараемся ихъ формулировать. Дѣлаемъ эту оговорку въ тѣхъ видахъ, чтобы уклониться отъ упрековъ автора въ неточности изложения.

имъ Новгородскимъ монетамъ, нигдѣ не употреблялось по отношенію къ Новгородской системѣ (?) (стр. 12).

2. Выкладки г. Прозоровского, по мнѣнію автора, убѣдительно доказываютъ, что всѣ упоминаемые въ лѣтописяхъ цѣнности до XV столѣтія не могутъ быть смѣшиваемы съ *денегами*, начало чеканки которыхъ относится къ 1420 году; что г. Прозоровскій выводя вѣсъ ногать, кунъ, мордокъ и т. д. предполагалъ существованіе собственной монеты въ Новгородѣ и до 1420 года, хотя и не отожествлять ея съ *денегами*; что предположеніе г. Прозоровского самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергается полнымъ отсутствиемъ вещественныхъ доказательствъ существованія монетъ въ 36, 72 и т. п. долей, которыя могли-быть сочтены кунами, четверцами и т. п.; для нумизмата такое соображеніе достаточно вѣско чтобы получить убѣжденіе, что монеты эти не существовали, а потому и ввиду того, что ни одна изъ упоминаемыхъ до 1420 года цѣнностей не можетъ быть отожествлена съ *денегами* (Новгородками), —графъ Толстой считаетъ доказаннымъ, *вѣрность лѣтописного извѣстія*, что до 1420 года Новгородцы собственной монеты не чеканили.

3. Монеты, время чеканки которыхъ опредѣлимъ и которыя найдены совмѣстно съ Новгородками, принадлежать къ XV вѣку, что и подтверждается извѣстіемъ лѣтописца о началѣ чеканки денегъ въ Новгородѣ тоже въ XV вѣкѣ.

Не ограничиваясь этими доводами, авторъ желаетъ этотъ странный нумизматический фактъ объ-

яснить намъ и исторически. При этомъ гр. Толстой оговаривается, что онъ „своимъ объясненiemъ ничего *недоказываетъ*, а лишь желаетъ согласовать фактъ чрезвычайно развитой торговой дѣятельности древняго Новгорода съ фактомъ столь поздняго удовлетворенія экономической потребности въ собственныхъ мѣновыхъ знакахъ“. „Еслибъ мое объясненіе“, продолжаетъ авторъ, „показалось неубѣдительнымъ, то это не должно поколебать въ читательѣ вполнѣ осознательного нумизматического факта, что Новгородцы дѣйствительно ранѣе 1420 года собственной монеты нечеканили“.

Приведенные авторомъ историческія объясненія, могутъ быть сведены къ слѣдующему:

1. Вѣчевое устройство Новгородскаго самоуправлениія основывалось болѣе на обычаяхъ, чѣмъ на положительныхъ узаконеніяхъ. *При отсутствіи писанного закона* и при господствѣ обычая, въ вѣче должны были обозначится сильные и слабые, почему преобладаніе въ народномъ собраніи *издавна* получила горсть людей наиболѣе вліятельныхъ, которая пользовалась послушною массою.

2. Новгородскіе бояре, въ сущности оптовые купцы, капиталисты, при вопросѣ о чеканкѣ монетъ должны были преслѣдоватъ то, что для нихъ было выгодно. Какъ оптовымъ торговцамъ имъ было бесполезно заботиться о размѣнной монетѣ; напротивъ имъ было выгоднѣе скрывать истинную цѣнность товаровъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, предлагавшихся на мѣну; выпускъ размѣнной монеты могъ только способствовать развитію мелкой торговли, что было скорѣе не въ ихъ интересахъ.